

Жюль Ренар

ДНЕВНИК

1887–1910

*Перевод с французского
Н. Жарковой и Б. Песиса*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жанр писательского дневника в истории мировой литературы — явление весьма распространенное. Однако есть случаи, когда дневник в творческой судьбе писателя занимает совершенно особое место и становится не менее, а иногда и столь же значимым, как и его художественные произведения. Это в полной мере касается французского писателя Пьера-Жюль Ренара (1864—1910). Его литературная деятельность сопровождается постоянными дневниковыми записями, которые он вел с 1887 года до конца жизни, что позволяет следить за реальным развитием его литературной судьбы и ее «изнаночной» стороной. К тому же они вводят нас в атмосферу эпохи, которая занимает особое место в истории словесности.

Впервые «Дневник» Ренара издавался с 1925 по 1927 годы в издательстве Бернуара, но поначалу он не вызвал заметного отклика. Внимание к нему возникло лишь после переизданий, когда стала более ясной роль Ренара во французской литературе. К сожалению, все существующие публикации «Дневника» нельзя считать абсолютно полными. Это объясняется тем, что начальная авторская рукопись не сохранилась. При подготовке к ее публикации жена Ренара совместно с А. Башленом — поэтом, романистом, критиком, одним из самых авторитетных исследователей литературного наследия писателя, — опасаясь, видимо, слишком

острых и откровенных высказываний, изъяли и уничтожили многие записи автора. Однако и в сохранившемся виде дневниковые материалы Ренара оказываются бесценными документальными свидетельствами. В них представлена хроника его жизни, иногда исповедального характера. В «Дневнике» можно встретить и фрагменты художественного произведения, и критические этюды, и афоризмы. Ренар предстает перед нами как мастер литературного портрета, рассказывая об известных представителях мира искусства и политики. Размышления о творчестве перемежаются в дневниковых записях бытовыми зарисовками, реальная жизнь и художественный вымысел причудливо сосуществуют. Многих реальных людей автор называет именами своих персонажей, поскольку личности, присутствующие в окружении Ренара, зачастую становятся героями его произведений и продолжают жить для него как персонажи в реальной жизни. Все это позволяет относиться к «Дневнику» как к полноценному художественному произведению, где есть своя интрига, рельефно и красочно представленные характеры, наконец, свой неподражаемый стиль, придающий целостность всему тексту. Однако главный секрет популярности этой книги и особой роли ее в творчестве писателя — образ самого автора, раскрывающего перед нами с безжалостной откровенностью свой внутренний мир, поражающий своей неповторимостью и парадоксальностью. В этом он ничуть не уступает, а иногда и превосходит многих персонажей его произведений.

Очевидно, что для Ренара литературная деятельность была способом существования, познания жизни и самого себя. В дневниковых записях ощущается ток его творческой мысли, поиск индивидуального стиля и точного образа, слышны отзвуки радостей, сомнений, отчаяния человека, пытающегося осознать свое жизненное кредо. Ренар — писатель во многом

уникальный, не вписывающийся в эстетические рамки каких-либо школ и направлений. Свой писательский путь он начинает как поэт, что вполне объяснимо: 1880-е годы — расцвет поэзии символистского направления. Впрочем, сам Ренар шутливо отмечал, что пишет стихи, чтобы получить доступ в парижские литературные круги. Впоследствии отношение к поэтическому слову у Ренара станет сложным. Поэзия не укладывалась в систему его художественных взглядов, и поэтому он, как правило, иронично относился к своим поэтическим произведениям, да и к поэзии вообще. В ранних прозаических опытах Ренара ощущается влияние Мопассана, Доде, Жорж Санд, Флобера, Золя. Главный объект его внимания — жизнь провинции и ее обитателей.

Вся его дальнейшая литературная деятельность представляет собой долгий процесс обретения собственной писательской манеры. Из недоверия к существующим литературным кумирам и школам у Ренара рождается необходимость обретения собственного художественного языка. Вот запись от 25 июня 1902 г.: «Писатель должен сам создать себе свой язык, а не пользоваться языком соседа. Надо, чтобы твой стиль рос у тебя на глазах».

Поиск своего стиля ведет его от искусственного к естественному, природному. В определенной мере стремление Ренара к правде и естественности обусловлено его происхождением. Он родился 22 февраля 1864 года в Шалон-дю-Мэн, департамент Майенн. Отец писателя, Франсуа Ренар, подрядчик на дорожном строительстве, в 1854 году женился на Роз-Анн Колен, дочери торговца скобяным товаром. Их брак нельзя было назвать благополучным, поскольку супруги являли собой полную противоположность: она — фанатичная католичка, он — республиканец, франкмасон, антиклерикал. Из-за этого в семье часто возникали разногласия

и ссоры. Жюль был младшим среди детей, кроме него в семье росли сестра Амели и брат Морис. Отношение матери к Жюлю было непростым: очевидно, сложность отношения к супругу перешла и на сына. Впоследствии его воспоминания о детстве нашли отражение в самом известном (наряду с «Дневником») произведении — в повести «Рыжик» («Poilde Carotte», 1894). Обращаясь к традиционной для литературы теме детства, Ренар решает ее в совершенно неожиданной манере, опираясь на свой жизненный опыт и факты личной биографии. Книга может поразить откровенностью и жестокостью в описании отношений родителей к своим детям, тем более что прототипами персонажей оказываются сам автор и его родные. Этот герой будет неизменно присутствовать в сознании автора и в его дневниковых записях: «Каждую минуту Рыжик является ко мне. Так мы и живем вместе, и я надеюсь, что умру раньше его» (9 сентября 1895).

Пройдя через опыт столичной жизни, Ренар не теряет связи с провинциальной деревенской действительностью, во многом остается человеком природы. «Для нашей маленькой деревушки я берегу все то, что не отдал огромному Парижу», — напишет он в дневнике 23 июня 1902 г. Преданностью провинциальной родине можно объяснить и неизменное внимание Ренара к крестьянской жизни и к крестьянам, «суровым братьям», как он их называл. Отсюда же его интерес к животному миру, результатом которого стал сборник «Естественные истории» («Histoires naturelles», 1894): «Я хотел бы доставить удовольствие самим животным. Я хотел бы, чтобы мои маленькие “Естественные истории” вызвали у них улыбку, если бы они могли их прочитать» (19 сентября 1895).

В новелле, открывающей этот сборник, Ренар представляет своего рода писательский автопортрет, выводя себя в качестве «охотника за образами»: «Он подни-

мается с постели ранним утром, на рассвете и выходит в путь, только если мысли его чисты, сердце открыто. <...> Он оставляет дома свое оружие и довольствуется открытыми глазами. Глаза будут сетью, в которую попадутся окружающие его картины». Главная цель писателя-охотника — образ «дикий», естественный, не затронутый эстетическим облагораживанием, не осененный прикосновением прекрасного.

Пытаясь определить свой стиль, Ренар, видимо, по ассоциации с названием собственной знаменитой повести, прибегает к цветовому обозначению: «Если бы литературные произведения могли иметь цвет, я представляю себе: мой был бы рыжий» (9 июля 1896). Поиски правды в искусстве приобретают для Ренара мучительные и трагические формы. Смысл его творческих устремлений можно обозначить словами из «Дневника»: «Правда не всегда искусство. Искусство не всегда правда, но правда и искусство имеют точки соприкосновения: их-то я и ищу» (7 мая 1902).

Можно сказать, что, найдя свой стиль, создавая разные по жанрам произведения, Ренар, по сути, все время пишет одну единую книгу. За год до смерти он скажет: «Писание должно быть как дыхание. Гармония вдоха и выдоха, с ее замедленными и учащенными ритмами, все естественно, — вот символ прекрасного стиля» (4 мая 1909). Эти слова приложимы и к его художественным текстам, и к его дневниковым записям.

Трудно сказать, чем могли бы завершиться творческие поиски Ренара: смерть довольно рано оборвала его писательский путь. Определяя место Ренара в современном литературном процессе, можно сказать, что он — писатель достаточно известный, но вместе с тем не слишком избалованный вниманием литературоведов и читающей публики. К сожалению, его творческое наследие остается во многом недооцененным. Вплоть до настоящего времени отечественные читате-

ли имели возможность познакомиться лишь с ограниченным числом его произведений, переведенных на русский язык. Будем надеяться, что «Дневник» Жюль Ренара позволит приоткрыть читателю своеобразный художественный мир писателя. Вам предстоит прочесть замечательную книгу.

Александр Таганов

ДНЕВНИК

Без числа. Талант — вопрос количества.

Талант не в том, чтобы написать одну страницу, а в том, чтобы написать их триста. Нет такого романа, который не мог бы родиться в самом заурядном воображении; нет такой прекрасной фразы, которую не мог бы построить начинающий писатель. И тогда остается только взяться за перо, разложить перед собою бумагу и терпеливо ее списывать. Сильные не колеблются. Они садятся за стол, они корпят. Они доведут дело до конца, они испишут всю бумагу, они изведут все чернила. Вот в чем отличие людей талантливых от малодушных, которые ничего не начнут. Литературу могут делать только воли. Самые мощные воли — это гении, те, что не покладая рук работают по восемнадцати часов в сутки. Слава — это непрерывное усилие.

6 июля. Итог: 100 франков заработка ежемесячно за то, что через день я отправляюсь в канцелярию и спрашиваю, есть ли работа, а работы все нет и нет.

13 сентября. Артистизм не в том, чтобы впрячься в какую-нибудь большую работу, например в писание романа, где все мысли должны подчиняться требованию засасывающего сюжета, заранее себе

заданного. Артистизм скорее в том, чтобы писать рывками, на сотни тем, которые возникнут сами по себе, крошить, если можно так выразиться, свою мысль. Тогда ничто не будет притянуто за волосы. Во всем будет прелесть непринужденности, естественности. Не добиваешься: ждешь.

21 октября. Поднять хлебопечение на высоту государственного института. Бесплатный и обязательный хлеб.

27 октября. Любопытно было бы проследить, как сказывается на молодых влияние писателей, уже нашедших свою дорогу. Сколько нужно усилий, прежде чем научишься черпать оригинальность просто у самого себя.

* Море, похожее на бескрайнее поле, взрываемое невидимыми пахарями.*

* Под ветром дождь ложится почти горизонтально, как колосья ржи.

31 октября. Иногда нам приходит желание сменить родную семью на семью литературную, конечно, по собственному выбору, дабы можно было творцу растрогавшей тебя страницы сказать — «брат».

* Пробудившись от сладкого сна, хочется заснуть вновь, чтобы продолжить его; но тщетно мы пытаемся уловить туманные его следы, словно складки платья любимой, скрывающейся за занавесом, который тебе не поднять.

1 ноября. Он приходил, подымался ко мне на седьмой этаж и без передышки начинал бесконечные политические споры; и, странное дело, в рабо-

* Звездочками в «Дневнике» Ренара обозначается начало новой записи.

чем кабинетике с жалкими украшениями на стенах — веерами, гравюрами Буссо, какими-то вовсе немислимыми портретами, — в красноватом свете похожего на зонт абажура это он, это его шестьдесят лет вещали моим двадцати годам об обществе, республике, человечестве. Отец старался просветить меня, ибо он верил, что эти громкие слова светоносны, что они согреют его сына, молодого человека, уже в достаточной мере разъеденного скепсисом и озадаченного. Мне доводилось видеть его в минуты звериной тоски, когда он возмущался, сотрясал воздух крамольными словами, но это быстро с него соскакивало, и он сразу же возвращался к своим добрым, здравым убеждениям, за которые держался с удивительным упорством стариков, уже не желающих ничему учиться.

5 ноября. Воздух светлый, прозрачный, где свет кажется каким-то влажным, омытым, искупавшимся в кристально чистой воде и колеблющимся, как тонкий тюль, который повесили сушиться после грозовой стирки.

* Литература по-своему вознаграждает женщину за то неравное, по мнению литературы, положение, которое женщина занимает в обществе.

Женщина в книгах — как витрина ювелиров. И волосы у нее золотые, и глаза изумрудные, зубы — жемчужины, губки — кораллы. Хорошо еще, если дело ограничивается этим. У любви даже плевки золотые.

7 ноября. Капли дождя, непрерывно сбегающие по запотевшему стеклу, прокладывают бороздки, вроде маленькой тропинки в снегу.

Металлическая природа, заросли печных труб, цинковые крыши светлее озер, проемы слуховых

окошек, похожие на жерла пещер, город, почти весь ушедший под воду до самых труб из красного кирпича, потоп под тусклым солнцем тоже кирпичного цвета, целый призрачный подводный мир, видный из запотелых окон в дождливый день.

8 ноября. Стиль Гонкуров лучше всего виден в их высокомерном пренебрежении к гармонии, к тому, что Флобер называл ниспаданием фраз. Их фразы загромождены спаренными родительными падежами, тяжелыми сослагательными наклонениями, оборотами вязкими, словно они вышли изо рта, полного слюны. У них попадают слова как репей, синтаксис их дерет горло, и от этого на небе такое ощущение, точно там налипло что-то, что не решась выплюнуть.

9 ноября. Искусство прежде всего. Он жил месяц, два месяца только среди книг, разрешая себе короткий отдых и сон, потом вдруг хватался за кошелек. Надо было искать места, любого, чтобы продолжать жить. Начинался долгий ряд дней в какой-нибудь канцелярии, с закоренелыми чинушами; он наклеивал марки, надписывал адреса, соглашался на любую работу, зарабатывал несколько су, благодарил патрона и возвращался к книгам — до новой катастрофы.

11 ноября. Стиль вертикальный, алмазный, без зазубрин.

14 ноября. Иногда все вокруг кажется мне таким расплывчатым, таким смутным, таким непрочным, как будто эта действительность есть мираж будущего, его проекция. Кажется, что лес далеко и что, хотя нас уже коснулись тени деревьев, придется еще идти и идти, прежде чем мы вступим под их сень.

24 ноября. Мне рассказали, будто Монтепен держит у себя на столе маленьких человечков из дерева и сбрасывает их по мере того, как его роман их убивает.

25 ноября. Именно в городе, в настоящем городе пишешь самые свои вдохновенные страницы о деревне.

5 декабря. Светский разговор, который в приемный день, до прихода визитеров, ведут между собой составленные в кружок кресла.